

КОБОЗЕВ
ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ,
ректор
Политехнического института
(02.11.1928–29.08.1929)

Петр Алексеевич Кобзев
(13.08.1878–04.01.1941)

30 марта 1928 года Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр) продлил полномочия Правления Ленинградского политехнического института на один год, но прошло всего семь месяцев, и 2 ноября новый ректор (председатель Правления) Петр Алексеевич Кобозев, назначенный Наркомпросом, сменил А.А. Байкова. Согласно Положению о высшей школе от 1925 года ректор назначался из числа кандидатов, выдвигаемых преподавателями; если кандидаты вуза казались Наркомпросу непригодными, он назначал ректора по своему выбору. Очень скоро к такому положению в институте привыкли.

П.А. Кобозев – профессиональный революционер, член РСДРП(б) с 1898 года, человек с такой бурной биографией, которая удивительна даже для периода революций и гражданской войны. Только перечисление его передвижений по стране, должностей и постов, которые он занимал, особенно после 1917 года, заняло бы много страниц.

Родился **Петр Алексеевич Кобозев** 13 (25) августа 1878 года в селе Песочни Рязанской губернии в крестьянской семье. Образование получил сначала в духовном училище, а затем в Московской духовной семинарии. В этот период он посещал социал-демократический кружок. После участия в семинарском бунте 1895 года он ушел из семинарии и зарабатывал на жизнь уроками, чертежами, а летом на железной дороге получил специальности слесаря, помощника машиниста, машиниста. В 1898 году он окончил реальное училище при реформаторской церкви в Москве и поступил в Московское высшее техническое училище. За революционную работу в 1899 году его арестовали и выслали в Ригу, где он с 1900 года по 1904 год учился в Политехническом институте. В Рижском политехническом институте Кобозев принимал участие в оборудовании электротехнической лаборатории, руководил студенческими практическими занятиями, ассистировал профессорам. В Риге П.А. Кобозев возглавил студенческое музыкальное общество, которое просуществовало с 1902 по 1904 год, всячески помогая организуемому комитету РСДРП.

Один из его биографов писал: “Кобозев получил в Риге две специальности: инженера-технолога и другую, более важную специальность – революционера-большевика, этой второй специальности он посвятил всю свою жизнь” [1].

После окончания Политехнического института в Риге он работал там же на Русско-Балтийском вагонном заводе, где его и застала революция 1905 года. Уволенный из-за политической неблагонадежности, он уехал на Кавказ, где работал на нефтепромыслах, организовывал забастовки и демонстрации, после чего переехал в Москву. В Москве Кобозев осуществлял надзор за установкой парового отопления в Политехническом музее, проводил работу среди железнодорожников, и вновь последовали арест и высылка... снова в Ригу. Здесь он занялся педагогической деятельностью в частных учебных заведениях, но в 1915 году его, как неблагонадежного, опять выслали, теперь в Оренбург, где он работал на постройке Оренбург-Орской железной дороги. В 1916 году его выслали на Север, на строительство Мурманской железной дороги, но за агитацию военнопленных возвратили в Оренбург, где его и застала Февральская революция 1917 года.

На съезде представителей дороги Оренбург–Ташкент Кобозев был выбран начальником и комиссаром дороги. В мае 1917 года по вызову ЦК РСДРП(б) Кобозев выехал в Петроград, был включен в список кандидатов от большевиков и избран в Городскую думу, в состав членов городской управы. С согласия ЦК он принял от Временного правительства пост главного инспектора учебных заведений Министерства путей сообщения. Кобозев принимал самое активное участие в подготовке октябрьского переворота и был делегатом II Всероссийского съезда Советов от большевистской фракции, он был даже введен в президиум съезда. Кобозев стал героем одного из эпизодов книги Джона Рида “10 дней, которые потрясли мир”. 30 октября (12 ноября) 1917 года на заседании Петроградской городской думы произошло столкновение городского головы кадета Шрейдера с большевиком Кобозевым. Голова протестовал против превращения Думы в политическое собрание. Надо полагать, что победа осталась за Кобозевым.

В ноябре 1917 года Кобозев получил новое назначение. Теперь он, чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Западной Сибири и Средней Азии, возглавил борьбу с войсками атамана Дутова, который занял Оренбург. В феврале 1918 года Кобозев опять был в Петрограде, его принял В.И. Ленин, и Кобозев был назначен наркомом путей сообщения РСФСР, членом Реввоенсовета Восточного фронта, членом Реввоенсовета Республики. На этом посту Кобозев спас жизнь командующему Оренбургской группой войск Г.Е. Зиновьеву, впоследствии главе ленинградских большевиков, который принял решение оставить Оренбург. Это так разозлило главнокомандующего Муравьева, что он грозился расстрелять Зиновьева, но Кобозев взял на себя ответственность за операцию.

В 1918 году П.А. Кобозев получил от Ленина еще одно, казалось бы, невыполнимое в условиях гражданской войны задание: проехать через Ташкент в Баку (иные пути были перерезаны фронтами), обсудить с бакинскими большевиками вопрос о национализации нефтяных промыслов и обеспечить затем через Туркестан доставку нефти в центр России. Кроме того, Кобозев должен был доставить Советам Оренбурга, Ташкента и Баку около 200 млн. рублей. При этом широко оповещалось, что Кобозев совершает инспекционную поездку. На руках же у него был только мандат за подписью председателя Совнаркома Ленина. В мандате было сказано, что П.А. Кобозев – чрезвычайный комиссар правительства в Средней Азии и Баку и ему даны широкие полномочия, вплоть до руководства боевыми действиями. Вопрос о национализации нефти в Баку был решен положительно. Нефть пошла в Туркестан. Кобозев вернулся в Ташкент.

П.А. Кобозев уделял большое внимание культурному развитию края, заботился об организации начальных школ, школ ликвидации неграмотности (особенно на узбекском языке), об издании газет, о сохранении драматического театра. По его инициативе бывший дворец был превращен в Музей искусств. Кобозев способствовал организации в Ташкенте Туркестанского народного университета (февраль – май 1918 года) – в будущем Ташкентского государственного университета. В 1919 году в Народном университете он некоторое время читал курс энергетике на техническом факультете.

Кобозев многие месяцы гражданской войны провел на колесах в салон-вагоне, а вместе с ним часто ездил и его семья – жена и маленькие сын и дочь. Сын вспоминал, как отец руководил строительством ледовой переправы через Волгу у Сызрани. Мост был взорван, и пришлось шпалы и рельсы укладывать по льду. Первый пробный поезд вели всего два человека – машинист и Кобозев. О личном мужестве П.А. Кобозева писали все хорошо знавшие его люди.

В фондах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС были сохранены воспоминания Кобозева. К концу гражданской войны Петр Алексеевич был тяжело больным человеком. 1 сентября 1922 года ЦК партии принял постановление о назначении Кобозева председателем Совета министров Дальневосточной республики. Ленин сказал: “А у нас, Петр Алексеевич, большая к Вам просьба... несмотря на Вашу болезнь, мы решили просить Вас еще раз помочь партии... изгнать интервентов с Дальнего Востока и установить там Советскую власть” [2].

22 октября 1922 года войска народно-революционной армии вступили во Владивосток. 15 ноября 1922 года ВЦИК объявил ДВР составной частью РСФСР. От имени советского правительства

Кобозев подписал мирный договор Дальневосточной республики с Японией.

Осенью 1923 года П.А. Кобозев вернулся в Москву тяжело больным и просил перевести его на научную работу. Просьбу удовлетворили. Он стал профессором и ректором Московского межевого института, откуда в ноябре 1928 года был переведен в Ленинградский политехнический институт.

ЛПИ встретил нового ректора учебной реформой. Наркомпрос, изыскивающий способы укрепления связи вузов с производством, остановился на предложении Главпрофобра и Главвуза сделать это посредством непрерывной производственной практики (НПП). Для этого в продолжение учебного года следовало производить чередование теоретических и производственных дней — в неделю, месяцев — в году. Таким образом, по мнению ГПФ, должна была установиться связь, которая даст возможность осуществлять контроль со стороны руководителей промышленности за работой по подготовке специалистов. Всем вузам было предложено заняться разработкой основных направлений НПП применительно к себе.

Идея НПП возникла в Москве раньше, до 1926 года, но ректор А.А. Байков не спешил претворять ее в жизнь. П.А. Кобозев же воспринял новую реформу Наркомпроса как немедленное руководство к действию.

Правление ЛПИ образовало Центральную комиссию по НПП под председательством нового ректора. Было решено ввести НПП на первых курсах трех факультетов (механического, электромеханического и индустриализации сельского хозяйства) уже с января 1929 года. Для других факультетов и курсов введение НПП откладывалось: комиссии нужно было заняться разработкой вопроса.

И тут начались многочисленные сложности. Институт выработал число необходимых для НПП мест на заводах, но те не могли принять такого количества студентов, пришлось часть НПП перенести в учебные мастерские института. По новым программам предполагалось месячное чередование работы студента в ЛПИ и по НПП, но это не всех устраивало. На металлургическом факультете были годовичные лабораторные занятия, поэтому НПП можно было проводить только летом. В результате подробного обсуждения в учебных советах факультетов был сделан вывод: непрерывная производственная практика на первых двух курсах не может быть введена, так как будущий инженер должен иметь солидную теоретическую подготовку.

В течение всего 1929 года в Главпрофобре велась разработка вопросов, связанных с НПП, в институты рассылали циркуляры, требовали выработки новых планов на 1929/30 учебный год, в основе

которых лежало бы сокращение сроков обучения. Институты высылали свои планы в ГПФ, в ответ шли новые циркуляры. И так было весь период пребывания П.А. Кобозева на посту ректора.

В этот же период заметно ухудшилось общее положение в стране: в январе 1929 года в Ленинграде были введены хлебные и продуктовые карточки, а в феврале постановлением коллегии Наркомпроса РКИ было предписано сократить расход бумаги на 30 % по сравнению с прошлым годом.

В институте было беспокойно, напряженная атмосфера отражалась и в заголовках статей в газете “Товарищ” за 1928–1929 годы: “Хамелеоны”, “Готовимся к генеральной самопроверке”, “Где проходить чистку” и т. п. Авторы статьи “За классовую чистоту и четкость”, отмечая, что в институтах растет пролетарское ядро, обеспокоены проникновением “чуждого элемента”: детей попов, кулаков, помещиков, жандармов и др., которые в анкетах пишут: рабочий, батрак. “В ответ на контрреволюционную работу шахтинских вредителей, наша партия послала во ВТУЗы 1000 лучших коммунистов-рабочих” [3]. Грядет генеральная чистка, и не только в студенческой среде. «Скоро станет не менее жгучий вопрос о разгрузке института от засидевшегося в нем “академического балласта”» [4], – грозит в феврале автор статьи “Об управлении ЛПИ”, спрятавшийся за инициалами П.К.

20 марта 1929 года ректор П.А. Кобозев выступил на общем собрании деканатов факультетов и сообщил о предстоящем смотре ЛПИ, на который его вызвал Одесский политехнический институт (была такая форма работы в те годы). “Смотр должен пройти таким образом, – сказал ректор, – чтобы превратиться во всестороннюю самокритику нашей работы и личного состава института”. На этом же собрании ректор доложил о переизбрании профессорско-преподавательского состава института и предложил руководствоваться следующими критериями: истечение срока избрания; переизбрать лиц, устаревших для современной науки; изжить злостное совместительство; определять пригодность научного работника для социалистического строительства в соответствии с его общественно-политическими взглядами.

Порядок производства перевыборов был определен циркуляром Главпрофобра. При Правлении была образована комиссия в составе ректора или проректора по учебным делам, председателей СНР, Исполбюро, предметных комиссий – по одному от профессорско-преподавательской части и от студенчества. Перевыборы были назначены по трем факультетам: химическому, механическому и электромеханическому – и состоялись в апреле 1929 года. На каждого преподавателя или даже профессора зачитывал характеристику студент, представитель Исполбюро

профсекции. Не говоря об этической стороне вопроса, характеристики были составлены в недопустимой форме. “Делались обвинения европейски известных научных сотрудников в невежестве, в незнании своего предмета... по отношению к другим выставлялись обвинения в политической неблагонадежности, невоздержанности суждений” [5].

Присутствующие профессора опровергали студентов, но председательствующий ни разу не поставил противоположную точку зрения на голосование. В результате перевыборов были составлены списки профессоров и преподавателей трех факультетов, подлежащих увольнению и замене, и под грифом “совершенно секретно” за подписью ректора Кобозева отправлены уполномоченному Наркомпроса. В “черные списки” попали три бывших ректора Политехнического института: Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, В.В. Скобельцын и И.В. Мещерский. В графе “Мнение студенческих организаций” у каждого из вышеперечисленных заслуженных профессоров стояло: “Уволить”, “Стар. Пора на пенсию”. Впоследствии многие председатели предметных комиссий опровергали обвинения студентов, и это было доведено до сведения Главпрофобра. Возможно, поэтому конкурс на должности, признанные вакантными, объявлен не был, и преподаватели (кроме нескольких доцентов, ассистентов и аспирантов) остались на своих местах. На остальных факультетах перевыборов не было.

К июню чистка коснулась студентов-выдвиженцев. Председатель Исполбюро профсекции предложил пересмотреть состав выдвиженцев на научно-исследовательскую работу и отчислить не только неспособных, но и идеологически чуждых рабочему классу. В будущем Исполбюро предложило состав студентов-выдвиженцев и аспирантов подбирать преимущественно из пролетарской среды.

3 июля на Правлении ректор огласил постановление коллегии Наркомпроса о чистке на рабфаке. Кроме тех, кто не выполнил учебные требования, чистке подлежали: лица, лишённые избирательных прав; намеренно скрывшие свое происхождение при поступлении; лица антисоветского поведения, в том числе активные антисемиты; осуждённые за уголовные преступления.

Новый прием в институт в 1929 году носил откровенно классовый характер: “Аудитории пролетарского вуза широко открыты для рабочей и крестьянской молодежи”, — гласил заголовок в газете “Товарищ”. “Рабоче-крестьянская часть нового приема, согласно постановлению Главпрофобра, стипендиями будет обеспечена” [6]. В связи с новым приемом (1350 студентов) снова встал вопрос о сложности с размещением: более 750 человек не могли быть обеспечены общежитиями.

Было бы неправильным утверждать, что в институте в этот период совсем не было радостных событий. Одним из них стало разрешение правительства открыть с начала 1929/30 учебного года авиационный факультет. В 1929 году в Академию наук СССР было избрано несколько профессоров Политехнического института, в том числе в действительные члены – В.Ф. Миткевич, В.А. Кистяковский, И.М. Виноградов, в члены-корреспонденты – Н.Н. Семенов, Я.И. Френкель и А.А. Чернышев. Среди избранных были не только преподаватели, но и выпускники Ленинградского политехнического института, и это было лучшей оценкой деятельности ученых-политехников.

Уход П.А. Кобозева с поста ректора через 10 месяцев был столь же внезапным, как и его появление. Последнее упоминание о нем мы находим в статье газеты “Товарищ” под заголовком “Чистка партийных рядов института начинается сегодня”: «Оживленно заполняется зал, сегодня “чистим” товарищей, являющихся членами областных и районных организаций. В течение 30 минут зал заполнен до отказа. На трибуне член райкома ВКП(б), бывший ректор института, отозванный в распоряжение ЦК ВКП(б) для работы по специальности...» [7].

В архиве на папке с личным делом П.А. Кобозева надпись: “1-IX-1929 г. Уволен за назначением Шумского” [8]. После недолгого пребывания в ЛПИ Кобозев вернулся в Межевой институт. Здесь он организовал кафедру аэросъемки, в связи с чем институт в 1936 году стал называться Московским институтом инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии; П.А. Кобозев заведовал в нем кафедрой “Фотограмметрия”.

В литературе имеются сведения, что П.А. Кобозев был членом научно-технического комитета НКПС, руководителем НИИ локомотивостроения, принимал участие в разработке проблемы освоения нефелино-апатитовых руд, давал заключение по проекту строительства ДнепрогЭС, участвовал в разработке проекта строительства канала Волга–Москва.

Скончался Петр Алексеевич Кобозев в Москве 4 января 1941 года на 63-м году жизни. В Оренбурге ему поставлен памятник. В Оренбурге, Баку, Самаре, Ульяновске, Донецке, Екатеринбурге и Владивостоке его именем названы улицы.

Основные научные труды

Кобозев П.А. Фотограмметрия: Конспект. курс проект. геометрии. М., 1940. Ч. I.